

Н.И. КОНОВАЛОВА, ЯН КЭ

(Уральский государственный педагогический университет,

г. Екатеринбург, Россия;

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли КНР,

г. Гуанчжоу, Китай)

УДК 811.161.1'+811.581

ББК Ш141.2-31

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ¹

Аннотация: Исследуются паремии русского и китайского языков, выявляются универсальные и этноспецифичные способы выражения семантики параллельных мотивов в национальных языковых картинах мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, образные аналогии, межязыковые универсалии, национально-культурная специфика языковых единиц.

Одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики является исследование языковой картины мира и отдельных ее фрагментов, т.е. представлений о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа. Идея В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей язык в зеркало мира, получает интенсивное развитие в изучении национальной ментальности и форм ее воплощения.

Наиболее укоренными в народной культуре являются паремии, сочетающие в себе языковые и бытовые стереотипы наивного мифологического сознания. Изучение паремий как явления национальной культуры не случайно начиналось в рамках этнографических и культурологических изысканий, связанных с описанием народного быта и верований. Данный лингвокультурный феномен фиксирует стереотипы сознания, которые определяют национально-культурные эталоны поведенческих реакций. Это дает возможность включить паремии в ряд «языковых форм, ... исполненных намеков на отжившую старину, о которой сама история немного сохранила преданий, <на тот> период создания и раскрития народных эпосов, когда и обычаи, и заклитие являются уже во вторичной форме, заимствуя из предшествующей эпохи развития мифов и поклонений две силы: чудесное и обрядность» [Буслаев 1854: 3-4, 46]. Быт современной деревни в какой-то степени

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

еще хранит «культурную память» о мифосимволической основе традиционного ритуала и обряда, в городской же культуре эта связь чудесного и обрядности обнаруживается, пожалуй, лишь в некоторых бытовых поведенческих стереотипах, регламентированных приметам: *посидеть на дорожку, нельзя возвращаться с полпути, постучать по дереву, чтоб не сглазить, плюнуть через левое плечо* и т.п. Трудно в связи с вышесказанным переоценить важность лингвокультурологического комментария языковой идиоматики (в широком смысле этого понятия) – устойчивых формул, фразеологических единиц, примет, пословиц, поговорок и пр.

Традиционно содержания паремий позволяет выделить их основные семантические доминанты. Паремии связаны с наблюдениями над внешностью человека и его поведенческими реакциями, с традиционными обрядами и ритуалами, с народным календарем природы, с повседневным бытом, с различными видами хозяйственной деятельности, социальных отношений и др. Языковые знаки выступают вербальным кодом категоризации, транслирующим в том числе и национально-культурные стереотипы сознания.

Для фольклорных традиций любой традиционной культуры характерно обыгрывание семантики параллельных мотивов, когда «... сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием. Точно сплетающиеся вариации одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивные» [Веселовский 1898: 21]. Рассматривая природу данного феномена, А.Н. Веселовский приходит к выводу о его психологическом основании. Такой параллелизм восходит к эпохе олицетворения сверхъестественных сил, наделения их человеческими качествами и признаками, понятными и, следовательно, такими, на которые можно воздействовать. Основания этой связи предписывались «... глубоко коренящемуся в народе верованию, что повсюду в природе распространена одна высшая сила, везде действующая с одинаковыми правами, и что те душевные движения, которые человек сознает в себе, присутствуют и в окружающей природе» [Буслаев 1848: 65-66].

В лингвокультурологическом плане значимым представляется выявление способов языкового выражения идеи «всеобщей сопричастности». Сопоставительный анализ паремий в разных языках, в том числе типологически неродственных, значим для понимания их смыслового наполнения, в частности, для определения образной аналогии, лежащей в основе сопоставления, мифосимволической и этнокультурной основы сравнения и т.п.

Чаще всего идея символической партиципации представлена посредством метафорического параллелизма, устанавливающего отношения подобия «между объектами одной категории и между представителями разных классов» [Арутюнова 1998: 277]. Как в русской, так и в китайской афористике устанавливаются соответствия между микро- и макрокосмом (человеком и явлениями природы). Ср., например, устойчивую формулу обращения к корове в русских заговорах: *Стой горой, а дой рекой* (т.е. стой спокойно, неподвижно, как гора и давай молока много, как много в реке воды). □□□□□□□□□□□□□□ – буквально: *конь свистит при встрече Бо Лэ (□□), человек плачет при появлении радости* (Бо Лэ – большой знаток лошадей периода Чуньцю – «Весны и осени»). Ср. также название обряда излечения немоты *добыть языка на колокольне* и ассоциативно связанного с ним предмета, с помощью которого производится действие: когда у человека *отнимается язык*, то обливают водой *колокольный язык* и поят этой водой больного [Даль 1994: 179]. Здесь, по замечанию В.В. Виноградова, мы «... имеем дело не с чисто словесными метафорами, а с отголосками «мифологического мышления» ... Здесь дело не в языковых метаморфозах, а в способе восприятия мира» [Виноградов 1976: 412]. В традиционной русской культуре есть целые тексты, построенные на метафорическом параллелизме [Коновалова 2007]. Например: *Безымянному персту имени нет, у камня плоду нет, в угле зелени нет, в ухе жабе места боле нет* (заговор от ушной боли) // *От камня плоду нет, от угля трава не растет, в мертвом теле души нет, тебе, чирею, вереду, гнойнику, пупышу, на белом теле места нет* (заговор от нарыва).

Интерпретация заключенной в устойчивых языковых формулах информации осуществляется на основе существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и т.п. пресуппозиций. В этой связи можно говорить о том, что более просты для декодирования выражения, имеющие межъязыковые метафорические эквиваленты:

□□□□□□□□□□ – *Легче увидеть самого Янь Уан, чем справиться с чертенком = Трудно справиться с теми слугами, которые обижают, пользуясь властью своего хозяина* (под чертенком здесь имеется в виду слуга Янь Уан. Янь Лоу Уан (□□□), или Янь Уан, Батюшка Янь Уан – дух, управляющий адом в предании буддизма. Ср.: *Не так страшен черт, как его малютки* – современный вариант выражения *не так страшен черт, как его малюют*.

..... – *Нет леса без кривого дерева, нет человека без недостатков. Ср.: Солнце не без пятен – человек не без изъяна.*

...□□□□ , ...□□□□ – *Весна – решающее время года, а утро решающее время суток. Ср.: Год задается весной, а день утром.*

..... – *Трудно нарисовать кости дракона; трудно узнать, что на сердце человека. Ср.: Есть сердце да закрыто дверцей; Чужая душа – потемки.*

Содержательная основа метафорического параллелизма во многом определяется типизированными сочетаниями знаков в высказывании. Эти сочетания могут отражать логические, предметно-понятийные, ассоциативные, системно-языковые и т.п. основания их комбинирования. При этом «уподобление может нарушать границы естественных родов, но оно обычно придерживается границ общности, указывая на те признаки, которые послужили основанием сравнения» [Арутюнова 1998: 277].

В обеих лингвокультурах можно выделить следующие виды метафорического параллелизма:

1. Сопоставление однородных предметов, понятий и явлений объективной действительности: *Если сосульки долгие, то весна длинная.* Прилагательные *долгий* и *длинный* синонимизируются в обоих значениях ('срок' и 'размер' на основе семы 'протяженность'), а в данном случае они выступают в ассоциативной связке причинно-следственного типа, что является одним из традиционных приемов эмпирических («житейских») умозаключений.

....., ... – *Нет горя, которое нельзя было бы вынести – есть счастье, которое нельзя себе представить.*

.....□□□□□□□□ – *Ученики Кун-цзы □□, т.е. Конфуция не способны ругаться, а ученики Цзэн-цзы □□ не способны драться* (Кун-цзы (Конфуций) – первый в истории Китая философ и педагог. Он выдвинул собственное теоретическое построение относительно этики и общественно-политической жизни. Цзэн-цзы – его ученик, наследник его учения. Основой их учения является этика).

.....□□□□□□ – *Чиновники покрывают друг друга, а простые – простых, и батюшка Гуань (□□□), покрывает своих Пучжоуцев – своих земляков* (батюшка Гуань, т.е. Гуань Юнь – известный генерал времени троецарства, который славился своим прямым характером. Его уважали за это и за справедливость).

2. Сопоставление неоднородных предметов, понятий и явлений объективной действительности: *Если после работы не снимают кос с косников (орудия косьбы), куры нестись не будут.* Магическая партиципация выражается здесь соотношением двух сакральных

символов: *коса* – символ смерти, конца, *яйцо* – символ зарождения, начала.

Ср. также: *Плохой друг как тень: когда солнце – он рядом, когда хмуро – исчезает; Красна птица пером, человек – умом; Голова без ума – фонарь без свечи; Бездонную бочку не наполнишь – жадное брюхо не накормишь.*

..... – *Дождь не может идти весь год, человек не может быть бедным всю жизнь.*

.....□□□□□□ – *Бывает время, когда Хуанхэ становится прозрачной, и в твоей жизни будет счастливое время (из-за того, что в бассейне нижнего течения Хуанхэ много глины и песка, вода в ней всегда мутная и непрозрачная, и цвет воды всегда желтый).*

3. Сопоставление явлений реальной и нереальной действительности на основе какого-либо условного признака, не отражающего (или весьма опосредованно отражающего) сущностные свойства объектов сопоставления: *Иголки найти в доме воткнутые, сломанные – к порче, вреду, уроку ('сглазу')*. Острые предметы, в том числе иголки, – атрибут колдовских манипуляций, а *порча, вред, урок* – результат этих манипуляций. Тем самым данная примета представляет собой экспликацию сакрального прецедента, связанного с магикоритуальной ситуацией колдовства, когда «насылание порчи» осуществляется воздействием на символические эквиваленты человека – объекта магии – острыми предметами. Считалось, например, что можно *изурочить* (сгладить) человека посредством прокалывания иглками его изображения, разрезания предметов его одежды, листа бумаги с написанным на нем именем объекта магических манипуляций и т.п.

Сажая хлебы в печь, подымай подол, приговаривая: «Подымайся выше!» [Тугул.]. В этом случае магическую функцию выполняет акциональное подобие.

□□□□□□□□ – *В небе есть рай, а на земле есть Сучжоу и Ханчжоу* (Сучжоу и Ханчжоу – древние китайские южные города, прославленные своей красотой, история которых насчитывает более двух тысяч лет, самые благодатные и пригодные места для проживания).

В последнем примере в качестве компонентов метафорического параллелизма выступают топонимы, что характерно как для китайской, так и для русской лингвокультур. Топонимы не просто географические термины, они несут богатую национально-культурную информацию и особенно трудны для интерпретации носителями иной культуры, так как в подобных случаях для адекватного восприятия всего того, что скрывается за географическим названием, недостаточно

чисто географических познаний – необходимо также и знание истории данной страны.

Большое количество пословиц и поговорок, содержащих названия гор и рек в китайском языке – непосредственное отражение особого значения культа природы, в особенности культа гор, рек и земли в китайской традиционной культуре. В древнем Китае широко был развит культ природы, причем роль гор и рек была одинаково велика и в государственной имперской религии, и в народных культах. Некоторые названия китайских гор (Тайшань, Хуашань, Суншань, Хэншань, Хуаншань, Эмэйшан, Лушань) и рек (Хуанхэ, Янцзы) воспринимаются далеко не только как географические названия, они культурно значимы, символичны, хранят важную культурную информацию. Так, наличие множества пословиц и поговорок, содержащих в себе название горы Тайшань, обуславливается важной ролью Тайшань в китайской истории и культуре. В Китае принято называть Тайшань первой горой, Поднебесной. Она считается главой пяти из наиболее прославленных в Китае гор. По древней хронике великий мудрец Конфуций когда-то поднимался на Тайшань, и китайские императоры разных династий посещали Тайшань, чтобы совершать жертвоприношение. Тайшань является одним из четырех наиболее почитаемых у буддистов гор Китая. Распространение буддизма, строительство и процветание храмов прибавили славы этой горе. Архитектура, статуи, сакральная утварь, предметы богослужения и церемониалов, музыка, живопись демонстрируют сущность и содержание вероисповедальной культуры: ..... – *Гора Тайшань – святая святых*. В качестве примеров можно привести также следующие пословицы и поговорки: ..... – *В наступлении отважен, как тигр, в обороне непоколебим, как гора Тайшань*; ..□□□□□ – *Дружной работой можно Тайшань свернуть*.

Янцзы – крупнейшая река Китая, ее называют золотой транспортно-магистралью. Районы в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы отличаются теплым и влажным климатом, обилием дождей и плодородными почвами, что создает идеальные условия для развития сельского хозяйства. Все это обуславливает ее неповторимую роль в жизни китайского народа. Этим и объясняется частотное употребление ее образа в китайских пословицах и поговорках. □□□□□□□□□□□□□□□□ – *Новое поколение приходит на смену старому, как волны Янцзы сменяют друг друга*; □□□□□□□□□□□□□□□□ – *Как последующая волна Янцзы всегда выше предыдущей, сын лучше своего отца*; □□□□□□□□□□□□□□□□ – *Как из малой волны Янцзы вырастает большая, так из юношей вырастают герои*.

Широкая популярность топонимов – названий гор и рек в китайских пословицах и поговорках обуславливается древним культом гор и рек в данной культуре, а редкое упоминание подобных топонимов в русской идиоматике – отсутствием такого культа в традиционной русской культуре.

Таким образом, значимость лингвокультурологического анализа русских и китайских паремий объясняется потребностью в выявлении межъязыковых универсалий и национальной специфики отдельных фрагментов языковых систем, особенностей национальных менталитетов и традиций духовной культуры контактирующих народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998.
- Буслав Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. – М., 1848.
- Буслав Ф.И.* Русские пословицы и поговорки. – М., 1854.
- Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. СССХVI. – 1898 (№4). – СПб., 1898.
- Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. – М., 1976.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. – М., 1993.
- Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. – Екатеринбург, 2007.
- □□ □□□□□□□□ □□□□□□, 1980.

© Коновалова Н.И., 2012

© Ян Кэ, 2012